

СЕРГЕЙ АУСЛЕНДЕР

ЭТА КНИГА ДЛЯ ТЕХ, КТО РАСТЕРЯЛСЯ И НЕ ЗНАЕТ, КАК БЫТЬ ДАЛЬШЕ,
КТО ОПУСТИЛ РУКИ И ХОЧЕТ СДАТЬСЯ. СДАВАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ!

ИНТЕРЕСНЫЙ ПАЦИЕНТ

ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Сергей Ауслендер

Интересный пациент

Серия «Философия нового времени»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67195638
Интересный пациент: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-138469-2*

Аннотация

Сергей Ауслендер, российский и израильский журналист. Родился в 1972 году в Хабаровске. В 2009 у него диагностировали рак – саркому Юинга голеностопного сустава. Через полтора года после тяжелого курса лечения и сложной операции произошел рецидив, ногу пришлось ампутировать. После курса реабилитации вернулся к обычной жизни, продолжает работать на телевидении. Женат, воспитывает двоих детей. Эту книгу написал, чтобы рассказать свою историю борьбы с онкологией.

«Моя книга не про болезнь... Это книга про выздоровление. Про путь, который надо пройти. Он очень длинный и пройти его надо самому. Даже если вокруг будут преданные и любящие люди, они не смогут взять на себя твою боль и страдания. Считайте, что это инструкция, как пережить болезнь, победить ее и не потерять себя».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

От автора	5
Предисловие	7
Глава первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Ауслендер

Интересный пациент

Посвящается моей семье

*Отдельное спасибо доктору Евгению Шустеру
за его исключительную дотошность.*

*Спасибо Марку Кацнельсону и Наталье
Сливинской за помощь в создании книги.*

Поговорка китайских врачей:

Чтобы тебе не стать интересным пациентом!

*** * ***

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги, полностью или частично, без разрешения пра-
вообладателя запрещается*

© С. Д. Ауслендер, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

От автора

На протяжении всей этой истории врачи называли меня «интересным», «необычным», говорили: «Какой любопытный и редкий случай». Друзья и родные считали «героем». А мне хотелось быть обычным человеком, не совершать никаких подвигов, а просто жить, без боли и страданий. Я долго не мог приступить к этой книге, ждал или, если хотите, созрел почти 10 лет. Меня спрашивали, почему не пишешь, чего не изложил произошедшее сразу, пока были свежи впечатления и ощущения. А я не мог – именно по этой причине. Нужно было время, чтобы понять все это и переварить. Так прошло 8 лет. А потом случился «ковидный» год. Изоляция, карантин, смертельная инфекция, угроза заболеть и не выжить. Умирили друзья и знакомые, знаменитые и не очень люди. А рак никуда не делся, как выразился один из героев этой книги, «обычные болезни» никто не отменял. И я решил: ПОРА!

ДИАГНОЗ: саркома Юинга голеностопного сустава.

ЛЕЧЕНИЕ: 12 курсов высокодозной химиотерапии, операция по реконструкции сустава.

РЕЦИДИВ ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА ГОДА: синовиальная

саркома.

ЛЕЧЕНИЕ: ампутация правой ноги ниже колена.

Предисловие

Мы не знаем, откуда эта дрянь берется и почему это происходит. То ли клетки так сложились, то ли звезды так на небе встали, то ли на все воля Божья, а может и то, и другое, и третье вместе. Кто его знает. Мы же не понимаем, что там происходит внутри нашего тела, пока вдруг не становится больно. Вот я, на тот момент 35-летний мужчина. Не красавец, наверное, но вполне себе ничего. У меня все есть. Прекрасная семья, замечательный сын, красавица-жена, с которой любовь и взаимопонимание. Родители живы-здоровы, брат, с которым, после долгой разлуки, наконец-то живем по соседству. Интересная работа, которая нравится и за которую хорошо платят. Друзья рады тебя видеть в любой момент. Страна, в которой ты наконец-то обрел дом и родину. И вдруг вся эта сказка, уже успевшая стать привычной, в одну секунду рушится, твой мир летит к чертям, потому что ты слышишь всего одно слово: РАК. И это про тебя. Твоя жизнь с этого момента напоминает шкаф, в котором вещи лежали почти в идеальном порядке, но вот его тряхнуло, все вывалилось, перемешалось, ты пытаешься сложить все обратно, а оно никак не складывается и вываливается наружу. Но мой рассказ не о том, как лечить рак. Для этого существуют врачи и ученые: онкологи, хирурги, генетики. Это книга не о том, откуда рак берется. Нобелевская премия за изобретение чу-

додейственного лекарства или открытие механизма, заставляющего наши клетки образовывать эти дьявольские комбинации, еще дожидается своего обладателя. Рак – это не только болезнь. Это война с врагом, притаившимся внутри нас и рвущимся наружу. И я расскажу, как его победить. Это личная история участника такой войны. В детстве и юности, как, наверное, и положено мальчику, я много читал про войну. И вдруг понял, как разительно отличаются книги тех, кто придумал сюжет своего произведения, и тех, кто на войне был. Меня, помню, поразила фраза из книги «Мы были солдатами...», что те, кто воевал во Вьетнаме – сражались не за родину или демократию. Они воевали, чтобы выжить. И за тех парней, которые были справа и слева от них. Так вот на своей личной войне я тоже сражался исключительно за жизнь и за тех, кто со мной рядом.

Поэтому будет много неприятных подробностей, но они, увы, неотъемлемая часть борьбы. Как говорил герой одного фильма, война – это не только смерть, это еще и такая жизнь. Я хочу рассказать, как с этим жить. Я журналист, и рассказ мой, возможно, выглядит как большой затянувшийся репортаж о том, что случилось. Эта книга для тех, кто растерялся и не знает, как быть дальше, кто опустил руки и хочет сдаться. Сдаваться нельзя! Поэтому моя книга не про болезнь, хотя ее описание занимает много места. Это книга про выздоровление. Про путь, который надо пройти. Он очень длинный, и пройти его надо самому. Даже если вокруг

будут преданные и любящие люди, они не смогут взять на себя твою боль и страдания. Считайте, что это инструкция, как пережить болезнь, победить ее и не потерять себя. В том, что случилось с другими (а я перелопатил множество форумов и выслушал огромное количество людей), мало счастливых финалов. Для этого я и решил рассказать свою историю.

Глава первая

Шок

«Случается это всегда не вовремя. Утром, собираясь отвести сына в сад, а потом поехать на работу, вскочил с кровати, наступил на пол и аж вскрикнул. Правая нога отозвалась резкой болью в щиколотке...»

К тому времени, как все началось, мы жили в Израиле уже год. Как граждане, как новые репатрианты. А до этого еще два года как иностранные журналисты, у которых было что-то вроде очень долгой командировки. Новая страна, новые люди, запахи, климат, еда – все было по-другому, почти все нравилось, хотя местами и раздражало. В моих отношениях с Израилем были периоды горячей любви и почти ненависти, ну, как бывает у пар, которые долго живут вместе. Но однажды эта страна сделала для меня то, за что я никогда не смогу расплатиться с ней до конца. Спасла мне жизнь. Но ведь страна – это не только точка на карте, а в данном случае вообще не географическое понятие. Это люди, которые участвовали в этой истории. Их было очень много, и заранее прошу прощения у тех, кого не упомяну.

В Израиль сначала я попал туристом, еще в 1996 году. Навещал брата. Странно тогда выглядел Израиль, совсем не

так, как сейчас. Такой весь – чумазый, неухоженный, местами очень грязный, напоминавший деревню, каковой он, в сущности, и являлся. Спустя девять лет российский Первый канал отправил меня сюда в длительную командировку – собственным корреспондентом. Два года я рассказывал зрителям, что это за государство, какие события там происходят. Потом командировка закончилась, но от страны уже осталось приятное послевкусие. И мы с женой решили – а почему нет? Тут тепло и море, приветливые люди и свежие фрукты. Государству, конечно, не повезло с соседями, но это как посмотреть и с чем сравнить.

Это было совсем не похоже на эмиграцию начала 90-х, когда каждый день тысячи людей сходили по трапу самолета, не зная, что делать, куда ехать и где ближайший магазин. Для нас все уже было привычно и знакомо. Я работал, жена занималась двухлетним сыном, мы строили свой быт, и все шло вполне хорошо и предсказуемо. Было ощущение дома, который мы наконец-то обрели. Я и моя супруга Алена – с Камчатки, жили во Владивостоке, Москве и много лет существовали где-то по пути между городами на бескрайних российских просторах. Вот, проживем тут немного, потом переедем туда, там посмотрим...

Эмиграция наша являлась вполне сознательным решением, в России у нас все было хорошо. Мы ехали не ОТТУДА, а СЮДА. И вот наконец-то: чудесный городок между Иерусалимом и Тель-Авивом, работа, которую я люблю и умею

делать хорошо. Ребенок растет, как в теплице, жена работает со мной. Мой младший брат Леша, который уехал в Израиль в 16 лет, живет рядом. Десять лет мы были в разлуке, и вот, наконец, воссоединились. Мы прекрасно ладим с ним и с его женой Ада, которую на русский манер называем Дася. Все вокруг нравится и радуется глаз – даже шумные, крикливые, порой весьма скандальные израильтяне. У нас куча планов – сейчас продадим в Москве квартиру, купим в Израиле, надо обосновываться. Мы тут навсегда! Нет, поначалу было такое – обсуждали возможность вернуться, вот получим паспорта, с которыми почти везде «зеленый» свет, а где «красный» – пускают с российским, и там посмотрим. Но это быстро прошло. Все начиналось очень хорошо. И уже даже возникло приятное ощущение хорошей такой, правильной рутины – дела идут ровно и спокойно, никаких неожиданностей не предвидится.

Случается это всегда не вовремя. Утром, собираясь отвести сына в сад, а потом поехать на работу, я вскочил с кровати, наступил на пол и аж вскрикнул. Правая нога отозвалась резкой болью в щиколотке.

– Ты чего? – удивилась жена.

Я пожал плечами, мол, с кем не бывает, и похромал на кухню варить кофе. Дня три после этого я ковылял, пытаюсь терпеть, работать и функционировать, но становилось все хуже, пока Алена пинками не погнала меня к врачу. Мол, хватит уже геройствовать, все равно твои подвиги не оценю. Семей-

ный доктор Женя (у него в этой истории особая роль), прописал таблетки от воспаления и отправил к ортопеду.

Молодой бородатый врач пощупал ногу, ткнул пальцем в больное место и испуганно отдернул его, когда я подпрыгнул на кушетке и заорал. Боль была просто невыносимая.

– Бывает, – утешил эскулап, – и не с такими случается.

От боли я не мог произнести ни слова.

– Это артрит – добавил он, пересел за компьютер и вдобавок к Жениным таблеткам выписал мне ментоловую мазь.

ОТСТУПЛЕНИЕ: НЕСЧАСТЛИВАЯ ПРАВАЯ!

У меня с детства не заладилось с правой ногой. Как-то шагнул с дивана, который был высотой сантиметров 30, и сломал ее. Пнул на улице коробку, внутри которой какой-то добрый человек оставил кирпич, и опять сломал. Тот день, когда, возможно, все и началось, помню так, как будто это все полчаса назад случилось. Бежал на уроки, перепрыгивая через пять ступенек, и в очередном прыжке стопа подвернулась по углу 90 градусов. Боль адская, кое-как я доковылял до школы, нога распухла и посинела. Но папа-хирург, осмотрев, сказал, что вывих и растяжение, ничего страшного. Оно и правда быстро прошло. Потом появилась болючая такая точка. Крохотная, с ноготь мизинца величиной, но от прикосновения к ней я мог потерять сознание. Потом еще пару раз подворачивал при таких же обстоятельствах. Спустя много лет, когда я уже окончил университет и всю работу, как-то раз эта штука сильно разболелась, а на щиколотке вылезла

пишка. Родители перепугались, мне даже пришлось лететь к ним на Камчатку обследоваться. Опухоль оказалась невриномой, то есть доброкачественной, ее благополучно удалили и отдали на гистологию, на всякий случай. Вот тут и случилось странное: один из патологов, проводивших исследование, сказал отцу, что обнаружил там клетки саркомы. Папа не на шутку перепугался (ему же с его клиническим опытом не надо объяснять, что такое саркома), забрал стекла и пошел по другим специалистам. Все они его успокоили, мол, коллега ошибся, опухоль совершенно безвредная. Да и репутация у того первого была в профессиональной среде так себе. Мол, любит ставить такие диагнозы на пустом месте. Спустя долгие годы моя мама, тоже врач, вспомнила про тот случай. Возможно, первый гистолог был прав. Но тогда меня надо в Книгу рекордов Гиннеса – 10 лет прожить с такой опухолью и даже не знать об этом. Впрочем, это я сильно забежал вперед. А тогда, после операции, болезненная точка на ноге исчезла, и я про этот случай почти забыл.

Лекарства помогли, ходить стало легче, но ощущение присутствия в ноге чего-то лишнего не проходило. Я приписал его своей, сильно развитой мнительности ребенка, выросшего в семье врачей, успокоился и стал жить дальше. Дальше прошло всего три месяца, и как-то на работе я ударился щиколоткой, тем самым местом, об автомобильный порог. Даже не ударился, а скорее чересчур сильно прикоснулся, но ощущение было, что в ногу воткнули раскаленный нож.

Утром следующего дня я проснулся, встал, наступил на ногу – и все повторилось в точности. Я снова очутился у бородатого ортопеда, который опять повторил:

– Артрит!

– А ничего, что второй раз за три месяца? – удивился я.

– Случается и не с такими! – произнес он свою сакраментальную фразу, снова выписал ментоловую мазь и таблетки. Но, на всякий случай, назначил кучу проверок. Томограф, ЯМРТ, УЗИ. Потратив пару месяцев, я все это прошел и снова заявился к нему. К тому времени боли в ноге опять успокоились. Врач долго крутил-вертел изображения с дисков на экране компьютера, разглядывал их так и этак. Потом опять завел ту же пластинку: «Артрит!». Дал еще таблеток и отправил восвояси. Так бы все это и продолжалось до печального конца, если бы не доктор Женя.

Он вообще-то человек исключительной дотошности, как следователь (отличное, кстати, качество для доктора). Еще из старой школы, когда врача учили не только следовать протоколам, но и проявлять творчество и думать головой. И потому, если Женя чего-то не понимает, он будет копать и доставать пациента, пока не разберется. И вопрос, почему у молодого 35-летнего мужчины артрит случился дважды за три месяца, заинтересовал его куда больше, чем профильного специалиста. К исследованиям коллеги он добавил томограф костей с радиоактивным контрастом. Что впоследствии и стало решающим фактором в

диагнозе.

Спустя неделю после моего визита к тому ортопеду-«ковалю», раздался звонок.

– Сережа, – сказал Женя самым спокойным голосом, на который только был способен – зайди ко мне сегодня.

Я и зашел, не подозревая, начало какому пути положит этот визит!

– Мудак этот ортопед, – без недомолвок заявил доктор, – в упор не видит ничего. И потыкал пальцем в экран компьютера, где светилась мешанина моих костей и мышц: – Вот видишь?

Я, конечно, ничего не увидел, Женя махнул на меня рукой и сказал:

– У тебя в ноге какая-то ХРЕНЬ.

Вот именно так и сказал! После чего добавил:

– Этой самой хрени там быть не должно. Я не специалист в ортопедии, пусть профи разбираются. К этому – тут он сделал паузу, подбирая слово, – ВЕТЕРИНАРУ больше не ходи. Толку не будет. Из тех, кого я знаю, рекомендую обратиться к профессору Сухеру в клинику «Адасса».

Вот с этим диагнозом «хрень» я и пошел к профессору.

«Адасса» оказалась огромной больницей, больше похожей на небольшой город. С множеством зданий, ходов-выходов-переходов, в которых я долго плутал в поисках ортопедического отделения. Я вошел туда, еще не зная, что она станет на какое-то время моим вторым домом.

Профессор Эрвин Сухер оказался сухоньким таким старичком, похожим на сильно постаревшего хоббита. Это я уже впоследствии узнал, что он светило в онкоортопедии и попасть к нему было великим счастьем и большой удачей. К специалисту такого уровня в Москве, например, можно пробиться на прием только через три слоя посредников и за большие деньги. К Сухеру я просто записался по телефону.

Добрый дедушка, посмеиваясь и общаясь со мной на английском (я в стране был только год и на иврите говорил через пень-колоду), почитал результаты исследований, помял мне ногу и, также как его коллега-ветеринар, отдернул руку, когда я скривился от боли.

– Биопсия, – сказал он, выдал мне направление и, не снимая с лица улыбки, выпроводил из кабинета.

Биопсия, скажу я вам, та еще история. Доктор-араб, неплохо говоривший по-русски, уложил меня на кушетку томографа (процедуру делают под его контролем), обколол ногу лидокаином и достал устрашающего вида прибор. Что-то вроде огромного шприца с рукояткой – биопсийный пистолет, с огромной толстой иглой на конце. От одного вида этого приспособления мне уже стало плохо. Приговаривая с чудовищным акцентом: «Спокойно, спокойно», доктор примерился и всадил мне этот шприц в ногу. Сначала больно не было, анестезия действовала. Тогда он пошурудил огромной иглой в ране, посмотрел на экран и нажал какую-то кнопку. Раздался громкий щелчок.

– Аааааа, – заорал я, выгибаясь от боли. Доктор зашипел, начал ругаться на трех языках, велел мне не шевелиться и снова защелкал своим адским прибором. Процедура, оказавшаяся весьма болезненной, длилась полчаса. Потом мне забинтовали ногу, отправили посидеть в послеоперационной палате и приказали явиться к Сухеру через две недели.

Через две недели профессор уже не улыбался. На приеме мы пришли с Варей – верным другом нашей семьи, чтобы точно все перевести на иврит и ничего не упустить. Впрочем, особо упускать ничего и не пришлось, да и иврит сильно не понадобился. Сухер начертил на листке бумаги одно слово и развернул его ко мне. Там было написано: SARCOMA.

ОТСТУПЛЕНИЕ: Я долго думал, как описать свои ощущения. «Земля ушла из-под ног» – как-то банально, но она действительно ушла. Мир мой, устойчивый и прекрасный, в одну секунду рухнул и превратился в хаос. Такие ощущения, наверное, испытывает человек в невесомости. Когда падаешь куда-то и не видишь дна. Тебе что-то говорят, а ты не слышишь, слова не складываются в предложения, а в предложениях нет никакого смысла. Я как будто оглох и ослеп. «Контузия» – вот, наверное, каким словом можно описать мое тогдашнее состояние. Мне не было страшно, я просто как бы перестал существовать. Слово «рак» было чем-то из книг и фильмов, из другой жизни. Со мной такого не может случиться, вот что думаем

мы все. Но это случилось, и мне пришлось учиться с этим жить. Это «умение с этим жить», пожалуй, одно из главных условий успешной борьбы с болезнью. Остальное от пациента зависит мало.

Сухер, опять же, человек многоопытный, к таким реакциям, видимо, привык. Попросил меня погулять, оставил Варю и долго с ней беседовал. Снова позвал меня, начертил на листочке немудреную схему: химиотерапия, операция, химиотерапия. О том, какой крошечный ад вместили в себя эти слова, я и буду рассказывать.

Рак в Израиле лечат, как правило, по американским протоколам. Но успехи израильской онкологии, среди прочего, объясняются и тем, что врачи не боятся отступать от привычных схем, экспериментируют (в рамках разумного, разумеется) и никогда не сдаются. Даже если кажется, что надежды нет.

Собственно, Варе, с глазу на глаз, Сухер сказал, что надежды особой нет. Опухоль сложная, очень агрессивная – и хорошо бы Варе побеседовать с родственниками без меня – и как-то внушить им, что конец этой истории может быть печальным, да и вполне скорым. Но Варя так не поступила. Потом, спустя много лет, она пересказала содержание их беседы, но уже после того, как случился хэппи-энд.

ОТСТУПЛЕНИЕ: Мне повезло, но лишь отчасти. Случись это все тогда, в 2000 году (см. «Несчастливая правая»), да на Камчатке, да при тогдашнем уровне

онкологии – не написал бы я эту книгу точно. Но и в 2009-м средства у онкологии были еще так себе. Это сейчас некоторые формы рака лечат уже амбулаторно, даже в больницу не кладут. Впрочем, до лечения мы еще дойдем.

В моем случае протокол был, на первый взгляд, несложный: сначала первая часть химии – подавить активность опухоли, потом операция – удалить ее, а потом второй курс лечения – убить все, что от нее останется. Примерно так мне и объяснила онколог, доктор Нили Рамо, пожилая, суровая дама. На самом деле никакая она не была суровая, а очень добрая и отзывчивая. Просто мне тогда все вокруг виделось в мрачных тонах. Первую беседу с больным врач обычно проводит в присутствии социального работника (чтобы тот сразу объяснил пациенту все его права) и медсестры (если станет плохо этому самому пациенту или сопровождающему). Рамо долго рассказывала о рисках лечения, о препаратах и о правилах поведения во время лечения. Впоследствии я многие из этих правил нарушил, что едва не стоило мне жизни.

Перед началом терапии врач требует пройти огромное количество обследований – УЗИ сердца (один из препаратов кардиотоксичен, то есть очень опасен для сердца), печени и почек, всевозможные анализы крови и мочи. Короче, смотрят, готов ли твой организм к химиотерапии, потому что для некоторых пациентов она еще опаснее, чем собственно рак.

В том смысле, что может убить даже быстрее. На повторном приеме, уже после того как я прошел все обследования, жена спросила доктора Нили Рамо, сможет ли она меня навещать. Та приподняла бровь:

– В смысле? Ты обязана его навещать. В каждой палате есть раскладная кровать для родственников, ты можешь там спать.

– А режим, часы посещения? – наивно поинтересовалась Алена.

Доктор ответила:

– В онкологии нет режима и нет часов посещения, ты можешь приходить когда захочешь, можешь оставаться сколько захочешь. Еще раз: ты можешь в его палате жить. Мы считаем, что это помогает.

– А работа? – влез в разговор я.

Доктор опять ответила, даже не задумавшись:

– Можешь работать, если позволит состояние, – и добавила: Вообще большинство ограничений связано только с твоим самочувствием в данный конкретный момент. Делай то, что можешь.

ОТСТУПЛЕНИЕ: Общение врача с пациентом в Израиле сильно отличается от того, что я видел в России. Доктор и больной имеют как бы одинаковые права, общаются на равных. Но главное – врач рассказывает все: что за диагноз, каковы возможные последствия, как станут лечить, что при этом будет

происходить, обязательно говорят о возможных рисках. Но без излишнего драматизма. Главный принцип я бы сформулировал так: ты не виноват в том, что заболел, и мы тебе поможем.

Впрочем, есть и совершенно материальные соображения. Мне о них даже как-то рассказывал профессор Сухер.

– Понимаешь, – объяснял он, – у нас же капитализм, и больные люди государству просто невыгодны. Эти кровососы (тут он показал пальцем в потолок) хотят, чтобы ты был здоров, пахал с утра до вечера и платил налоги. А не отнимал на себя дефицитные ресурсы.

Отчасти профессор, конечно, шутил, но меня такая мотивация вполне устроила.

Еще доктор Рамо выдала направление в банк спермы. Да, да, я был вкладчиком этого банка. Явился в назначенное время, медсестра оформила бумаги (ну, это литературное преувеличение, сами понимаете, все делается в компьютере), выдала мне пробирку с широким раструбом, польстив моему мужскому самолюбию, пачку журналов характерного содержания и отвела в отдельный кабинет. Дальше – сами знаете. Суть всей этой процедуры в том, что химиотерапия крайне отрицательно действует на репродуктивную функцию, и чтобы сохранить возможность паре, в которой мужчина проходит такое лечение, завести ребенка, он сдает сперму в банк. Из всех подготовительных процедур эта была самая, я извиняюсь, приятная.

Изучив результаты проверок и анализов, Рамо пришла к выводу, что лечение можно начинать. Выписала мне направление, объяснила, куда явиться и что иметь с собой. Потом, выдержав небольшую паузу, спокойно сказала:

– Я понимаю твое состояние. Но и ты должен помнить, что успех лечения минимум наполовину зависит от тебя. Да, лечение трудное, этот курс – один из самых тяжелых, что у нас есть. Но у него есть начало и есть конец. Все будет хорошо.

Дома мы почти не спали. Все разговаривали, хотя по большей части говорила Алена.

– Смотри на это по-другому, – убеждала меня она. – Представь, что это случилось бы в России, что бы мы делали, как бы ты лечился?

ОТСТУПЛЕНИЕ: А вот тут надо поподробнее. Я уже рассказывал, что мы репатриировались в Израиль за год до описываемых событий. Считайте это чудом, но случись такое со мной в России, я, повторюсь, вряд ли все это вам рассказал.

Все было хорошо. Ровно до того момента, пока не объявился в московском офисе нашего канала один товарищ. Был он весь такой бластной, родственник его работал в правительстве, при больших чинах и должностях. Я его до этой истории знал, мы с ним не то чтобы дружили, но приятельствовали. И стал он ходить по начальству и убеждать его, что корпункт в Израиле работает плохо, что он может лучше и только дайте

шанс, покажу вам такой Ближний Восток, какого вы еще не видели. Начальство, сильным человеколюбием и так не отличавшееся, на эту нехитрую интригу клюнуло. И начало меня жрать поедом, обвинять в непрофессионализме и, в конце концов, меня из Израиля отозвали, обвинив в том, что работу корпункта я так и не смог наладить. Впоследствии выяснилось, что у этого человека, так ловко меня подсевшего, был в Израиле бизнес, и чтобы контролировать его и находиться в стране на законных основаниях, он всю эту историю и затеял. С большим злорадством я потом узнал (добрые люди, работавшие на канале и вхожие к начальству, рассказали), что «работа корпункта» так и не наладилась, а высокий статус родственника не давал разобраться с фигурантом, также как со мной. Мы с женой всю эту мерзость обсудили и пришли к выводу – возвращаться на канал после такого нельзя. И решили уехать, точнее, вернуться в Израиль. О том, что случится через год, мы тогда, разумеется, не ведали ни сном ни духом. Уже потом, лежа на больничной койке, я вспоминал эту историю и в очередной раз удивлялся, как неисповедимы пути господни. Когда очевидное паскудство одного человека помогает другому. Высший разум все устраивает по своему разумению, нам недоступному. Вот живет себе на свете такой человек, коптит небо, непонятно зачем, творит всякие мерзости. А потом оказывается, что таким образом спасает другому жизнь. И начальству за его скотское отношение – отдельное спасибо. Отнеслись

бы нормально, предложили бы в Москве хорошую должность (как это обычно бывает после длительных заграничных командировок), я бы, скорее всего, остался. Со всеми вытекающими последствиями – российская онкология, сами знаете, успехами не блещет.

...Возвращаясь к ночному разговору: в какой-то момент нервы у меня сдали, я расплакался, как ребенок. Алена обняла меня, гладила, как маленького, по голове, шептала:

– Не бойся, я с тобой. Что бы ни случилось, я всегда буду рядом.

В ее объятиях я постепенно успокоился. Страх и тревога прошли. А пришло понимание, что это будет длинный путь, но мы его обязательно пройдем. Вместе. Когда рядом человек, который тебя любит и готов всем ради тебя пожертвовать, все сразу становится на свои места и в конце тоннеля появляется свет. Хотя до конца тоннеля было еще очень далеко.

#ИСТОРИЯРАК

Тим Курило, врач-реаниматолог в госпитале г. Атланта, штат Джорджия, США

В 2016 году мы с семьей поехали в отпуск на Гавайи. На две недели. Это был, пожалуй, наш лучший отдых в жизни, если, конечно, не считать того, что случилось потом. Но

поначалу мы как будто попали в сказку. Чудесный остров, природа, птицы, солнце, море и какое-то невероятное спокойствие и умиротворение. Вот, казалось, так и должен выглядеть идеальный отдых. Единственное событие, которое омрачило все это, произошло спустя неделю. Купались мы в термальном пруду, там источники, как у нас на Камчатке¹

¹ Тим вырос в Петропавловске-Камчатском, мы с ним учились в параллельных классах. – (Прим. автора).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.